

СЛОВО О ПЪЛКОУ ИГОРЕВЪ
ИГОРЯ СЫНА СВЯТЬСЛАВЛЯ ВЪНОУКА ОЛЬГОВА

Слово о рати Игоревой,
Игоря, сына Святослава, внука Олега

Не хъпо ли мы башеть братиे науати старыми словесы трудульныи повѣстии о пѣлкоу игоревѣ игора сватъславиу науати же сѧ тъи пѣсни по былинамъ сего времени а не по замышлению боюю боюнъ бо вѣшии аще колоу хоташе пѣсѣ творити то растѣкашетьса мыслю по древоу сѣрымъ вѣлкомъ по земли шизымъ оръломъ подъ облакы помѣнашеть бо речь първыхъ временъ оусобицѣ тогда поущашеть десать соколовъ на стадо лебедѣи которыи дотеуаше та преди пѣсѣ поиаше старому юрославоу храбромоу мѣстиславоу иже зарѣза редедю предъ пѣлкы касожьскими краснолоу романови сватъславиу боюнъ же братие не десать соколовъ на стадо лебедѣи поущаше нъ своѣ вѣшии пѣсты на живыи строуны вѣскладаше они же сами къназемъ славоу рокотахоу **Поульнемъ** же братие повѣсть сию отъ стараго владимера до пынѣшнаго игора иже истагноу оумъ крѣпостнию своею и поостри сърдца своего мoughествомъ напѣхнивъса ратьнаго доуха паведе своѣ храбрыи пѣлкы на землю половѣцькою за землю роуською тогда игорь възърѣ на свѣтълое сѣльце и видѣ отъ него тьмою всѣ свої вої прикрыты и рече игорь къ дроужинѣ своимъ братие и дроужину лоуце жъ бы потатоу быти не же похоненоу быти а вѣсадемъ братие на свои вѣрзыи комони да позиримъ синего допоу съпала къназю оумъ похоть и жалость емоу зналение застуки икоусити допоу великаго хощю бо рече копие приломити конецъ пола половецькаго съ валии роусици хощю главоу свою приложити а любо испити шеломомъ допоу

О боѧне соловию стараго врѣмени абы ты сиѣ пѣлкы
оушекоталъ скайа славию по мысленоу дреюу лѣтая
оумомъ подъ облакы свиная славы оба полы сего
врѣмени рица въ троюу троѧнию Урес
пола на горы пѣти было пѣсь игореви
того вѣноукоу не бояра соколы занесе
Урес пола широкаꙗ галици стады
бѣжать къ допоу великомоу
чи ли вѣспѣти было
вѣщене боѧне велесовъ
вѣноуе комони
ржютъ за соулово
звенить слава
въ киевѣ троубы
троубатъ въ
новѣградѣ
стојать
стази въ
пѹти
вли

I

Не лѣпо ли ны
бяшеть братие
начати старыми словесы
труудьныхъ повѣстии
о пѣлкоу игоревѣ
игоря свѧтъславича

начати же ся тъи пѣсни
по былинамъ сего времени
а не по замышлению бояню

боянъ бо вѣщии
аше комоу хотяше
пѣснѣ творити

то растѣкашеться мыслию по древоу
сѣрымъ вѣлкомъ по земли
шиzymъ орломъ подъ облакы

помыняшеть бо речь
първыхъ временъ оусобицѣ
тогда поущашеть
десять соколовъ
на стадо лебедїи

которыѣ дотечаше
та преди пѣснѣ пояше
старому ярославоу

ПЕРВАЯ ПЕСНЬ

е нача́ть ли на́м,
как бывало, братия,
старым складом
скорбных повестей
слово о рати Игоревой,
Игоря Святославича?

Только впредь и сказывать на́ново —
по былинам нынешнего времени,
не по замышлению Боянову.

Ибо вещий Боян,
ежели желал кому
песню творить —

мыслию взмывал по Древу,
рыскал по земле серым волком,
сизым орлом под облаками.

Дескать, помнит он
битвы былых времён, —
тут и напускает
десять соколóв
на лебединую стаю.

Чей настал черёд —
та и песнь поёт
старому Ярославу,

храбромоу мъстиславоу
иже зарѣза редедю
предъ пѣлкы касожьскими
красъномоу романови святъславличю

боянъ же братие не десять соколовъ
на стадо лебедѣи поущаше
нъ своѣ вѣшиѣ пѣрсты
на живыѣ строуны вѣскладаше
они же сами къняземъ
славоу рокотахоу

Почьнемъ же братие повѣсть сию
отъ старого владимера
до нынѣшняго игоря
иже истягну оумъ крѣпостию своею
и поостри сърдца своего моужествомъ
напѣлнивъся ратьного доуха
наведе своѣ храбрыѣ пѣлкы
на землю половѣцькою
за землю роуською

тогда игорь вѣзърѣ
на свѣтылое сѣлнице
и видѣ отъ него тьмою
вѣсѣ своѣ воѣ прикрыты

и рече игорь къ дроужинѣ своеи
братие и дроужино
лоуде жъ бы потятоу быти
неже полоненоу быти
а вѣсядемъ братие
на свои бѣрзыѣ комони
да позьримъ синего доноу

храброму Мстиславу,
что Редёдю заколол
пред касбжскими полками,
юному Роману Святославичу.

Боян же, братия, не десять соколов
на тех лебедей насыпал с высоты —
он на струны живые воскладывал
вещие свои персты,
и струны сами
славу князьям рокотали.

ак начнём же, братия, повесть сию
от Старого Владимира
до нынешнего Игоря,
что одною волею стянул свой ум,
сердце заострил мужеством,
ратного духа исполнился —
храброй ратью нацелился
на землю Половецкую
за Русскую землю.

А возвёл он взор
на светлое солнце,
видит — солнце тьмой
всё его войско прикрыло.

Ну и молвил Игорь дружине своей:
— Братие и дружина!
Лучше в Поле пасть,
чем в полон попасть!
Сядем же, братья,
на борзых коней —
хоть посмотрим на синий Дон!

съпала кънязю оумъ похуть
и жалость емоу знамение застоупи
искоусити доноу великаго
хощю бо рече копие приломити
конецъ поля половецькаго
сь вами роусици
хощю главоу свою приложити
а любо испити шеломомъ доноу

О бояне соловиу стараго времени
абы ты сиѣ пълкы оущекоталь
скача славиу по мысленоу древоу
летая оумомъ подъ облакы
сивая славы оба полы сего времени
рища въ тропоу троянию
чрес поля на горы
пѣти было пѣснъ игореви
того въноукоу

не боуя соколы занесе
чрес поля широкая
галици стады бѣжать
къ доноу великомуу

чи ли въспѣти было
вѣщеніи бояне велесовъ въноуче

комони ржуть за соулою
звенить слава въ кыевѣ
троубы троубять въ новѣградѣ
стоять стязи въ поутивли

Опалило князю разум желание.
Жажды Великого Дона вкусить
пересилила даже знáменье:
— Хочу, — сказал, — копьё преломить
о край Половецкого Поля.
Хочу, — сказал, — голову сложить,
либо шлемом Дону испить
с вами, русичи!

Боян, соловей былых времён!
Если бы тебе петь о походе том,
порхая по Мысленну Древу соловьём,
разумом паря под облакáми,
времена свивая славой,
торопясь тропой Трояна
через поля — на горы,
так бы ты пел для Игоря,
внука того Трояна:

— Не буря гонит сóколов
в те поля широкие —
стai галок стелются
к Дону Великому!

Или так бы ты пел,
вещий Боян, правнук Вéлеса:

— Кони ржут за Сулою,
а слава-то звенит в Киеве!
В Новегráде трубы трубят.
Стяги стоят в Путивле.

Игорь жъдеть мила брата въсеволода и рече емоу
бои тоуръ въсеволодъ одиинъ братъ одиинъ свѣтъ
свѣтълыи ты игорю оба есвѣтъ сватъславиуа
сѣдълан брате свои бѣрзыѣ комони а мон ти
готови осѣдълани оу коурьска на переди а мон
ти коурани съвѣдоми къмети подъ троубами
повити подъ шеломы възлѣлѣюни конецъ кониа
въскърмлени поути имъ вѣдоми яроуги имъ
знаеми лоуци оу нихъ напражени тоули отъворени
сабли изострени сами скаютъ аки сѣрыи вълци
въ полѣ ищюни собе уѣти а къназю славы

Тогда въструпи игорь къназъ въ златъ стремень
и поѣха по уистому полю съльнице емоу тѣмою
путь заструпаши пощь стопоуши емоу грозою
пѣтииу мъеубуди свистъ звѣри нъ възен^{са} дивъ
клиуетъ върху древа велить послушати земли
незнаемѣ вълзѣ и поморию и посуюни и соурожю
и корсоуню и тобѣ тѣмоутороканьскии бѣлаване
а половьци неготовами дорогами побѣгоша къ
допоу великомоу криуатъ тѣлѣгы полоуноши рьци
лєбеди распоущени игорь къ допоу вон ведеть оуже
бо вѣды его пасеть пѣтии по дѣвию вълци грозоу
въсърошать по яроугамъ оръли клекътомъ на
кости звѣри зовоуть хисции брешютъ на уѣрленыѣ
шиты о роуськаи земле оуже за шеломенемъ еси
дѣлго поуь мѣркнеть зара свѣтъ запала мѣгла
пола покрыла щекотъ славни фусъпе говоръ галиувъ
оубоуди^{са} роусиун вѣликаи пола уѣрлеными шиты
перегородиша ищюни собѣ уѣти а къназю славы

Съ зараннія въ пакъ потопъташа поганыѣ пѣлкы
половецькыѣ и расоуша стрѣлами по полю помъуша
красыныѣ дѣвѣкы половецькыѣ а съ ними злато
и паволокы и драгыѣ оксамиты орѣтъмами и
шапонъющими и кожюхы науаша мости мостити
по болотомъ и гравивымъ мѣстомъ и вѣсками
и зоруши половецькими уѣрленъ
стагъ бѣла Хоруговъ уѣрлена
уѣлъка съребрено строужне
Храброму сватъславину
древлетъ въ полѣ ольгово
Хороброє гнѣздо далеує
захетѣло не было нѣ
обидѣ порождено ни
соколу ни креуетоу
ни тобѣ уѣрныи
воронъ поганыи
половецине
гъзакъ бѣжитъ
сѣрымъ вѣлкомъ
коньуакъ
елмоу схѣдъ
править
къ допоу
вѣли
комъ
оу

II

Игорь жъдеть мила брата въсеволода
и рече емоу боуи тоуръ въсеволодъ

одинъ братъ одинъ свѣтъ
свѣтылыи ты игорю
оба есвѣ святыславича

сѣдьмаи брате свои
бѣрзыѣ комони
а мои ти готови осѣдьмани
оу коурьска на переди

а мои ти коуряни
съвѣдоми къмети
подъ троубами повити
подъ шеломы възлелѣяни
конецъ копия въскърмлени

поути имъ вѣдоми
яроугы имъ знаеми
лоуди оу нихъ напряжени
тоули отъворени
сабли изострени
сами скачуть
акы сѣрыи вълци
въ полѣ ишючи
собе чѣсти
а кънязю славы

ВТОРАЯ ПЕСНЬ

горь ждёт, где же милый брат?
И молвил ему Буй Тур Всеволод:

— Брат один, свет един,
светлый ты Игорь!
А сами-то мы — Святославичи!

Ты седлай, брат, скорей
своих бóрзых коней,
а мои готовы заране,
перед Курском звенят стременами.

А птенцы мои куряне
опора моя,
рождены под трубами,
баюканы под шлемами,
вскормлены с конца копья.

Им дороги вéдомы,
овраги ими знаéмы,
луки их натянуты,
колчáны отброены,
сабли наточены,
сами скачут вó поле,
точно волки серые, —
ищут вместе
себе чести,
а князю славы!

Тогда въстоупи игорь кънязь
въ златъ стремень и поѣха
по чистому полю

съмъце емоу тъмою поуть застоупаше
нощь стеноуши емоу грозою
пътичъ оубоуди свистъ^{Мъ} звѣри

нъ възби^{ся} дивъ
кличеть върхоу древа
велить послушати земли незнаемъ
въмзѣ и поморию и посоулию
и соурожю и корсоуню
и тобъ тъмоутороканъскими бълане

а половыци неготовами дорогами
побѣгоша къ доноу великомоу
кричать тѣлѣгы полуноши
рыци лебеди роспоущени

игорь къ доноу вои ведеть
уже бо бѣды его пасеть
пътицъ по дѣбию
въмци грозоу въсърошать по яроугамъ
орьли клекътомъ на кости звѣри зовоуть
лисици брешютъ на чирленыѣ щиты

о роуськая земле
уже за шеломенемъ еси

дѣлго ночь мѣркить
заря свѣтъ запала
мѣгла поля покрыла
шкокотъ славии оусьпе
говоръ галичъ оубоуди^{ся}

от тогда князь Игорь
в злато-стремя вступал,
выезжал он в чистое поле.

Солнце ему тьмою путь преграждало,
ночь стонала ему грозою,
птичым свистом зверей пробудив.

Но взметнулся Див,
с вершины Древа кличет,
велит трепетать земле незнаемой —
Волге и Помбрью, и Побсулью,
Сурожу и Курсуню,
и тебе, тмутороканский истукан!

Тут-то половцы дорогами нетбренными
побежали к Дону Великому.
Кричат телеги в полуночи,
скажи — лебеди подпущенные.

Игорь к Дону воинов ведёт.
Уже птица по дубравам
их беду стережёт.
Волки по оврагам грозу накликают,
клёкотом орлы зверей на кости созывают,
а лисицы лают на красные щиты.

О Русская земля! Ты —
уже за Шеломенем!

Долго меркнет мгла.
Заря свет расплела.
Дол в тумане укрылся.
Щёкот соловьев уснул —
говор галок пробудился.

роусичи великая поля
чъреными щиты перегородиша
ищючи собѣ чъсти а кънязю славы

Съ зарания въ пятъкъ потопъташа
поганыѣ пылкы половецькыѣ
и расоушася стрѣлами по полу помъчаша
красыныѣ дѣвъкы половецькыѣ
а съ ними злато и паволокы
и драгыѣ оксамиты
орътьмами и японьчицами и кожюхы
начаша мосты мостити
по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ
и въсякими оузорочи половецькыими

чъренъ стягъ
бѣла хороуговъ
чърлена челька
съребreno строужие
храбромоу святъславличю

дремлетъ въ полѣ ольгово
хоробroe гнѣздо
далече залетѣло
не было нѣ
обидѣ порождено
ни соколоу ни кречетоу
ни тобѣ чирный воронъ
поганый половьчине

гъзакъ бѣжить сѣрымъ вълкомъ
коњчакъ емоу слѣдъ править
къ доноу великомуу

Русичи рядами — алыми щитами
великие поля перегородили.
Ищут себе чести, а князю славы.

потоптали они половцев поганые полки
в пятницу спозаранок,
и рассыпались сами, прыснув стрелами,
умчали красавиц половчанок.
А с ними и злато добыто,
добыты пелены да аксамиты.
А наряды брали без счёта,
намостив мосты на болота
епанчами, ортёмами да кожухами,
половецкими разными узорочьями.

Алый стяг
белая хоругвь,
срёбряно дрёвко
червлёный бунчук —
храброму Святославичу.

Задремало вó поле
Олегово гнездо —
залетело, храброе, далече.
Не было оно
на обиду рождено
от сокола или кречета,
или от тебя, чёрный ворон окаянный,
половец поганый.

Гзак бежит серым волком,
Кончак ему путь указует
к Дону Великому.

Другаго днни вѣльми рано кровавыѣ зори свѣтъ повѣдають уѣрныѣ тауыѣ съ мора идоуть хотать прикрытии четыре сѣльца а въ нихъ трепещуть синѣ мѣлни быти громоу великомоу ити дождю стрѣлами съ допоу великаго тоу са копиемъ прихамати тоу са сабламъ потроуати о шеломы половецькиѣ на рѣцѣ на каюахъ оу допоу великаго о руськаѧ землѣ оуже за шеломенемъ еси се вѣтри стривожи вѣноуци вѣютъ съ мора стрѣлами на Храбрыѣ пѣлки игоревы земла тоутнетъ рѣкы моутно текоутъ пороси пола прикрывають стази глаголють половеци идоуть отъ допа и отъ мора и отъ вѣсѣхъ странъ руськиѣ пѣлки остоупиша дѣти вѣсови клинкомъ пола перегородиша а Храбрини русици преградиша уѣрлеными щиты **Х**арь тоуре вѣсеволодѣ стонши на борони прышени на вон стрѣлами гремлеши о шеломы мечи Харалужными камо тоурѣ поскоуаше своимъ златымъ шеломомъ посвѣтываю тамо лежать поганыѣ головы половецькиѣ поскепаны саблами каленными шеломы оварьскиѣ отъ тебѣ ярь тоуре вѣсеволодѣ каѧ рапы дорога братиѣ забывъ уѣти и живота и града уѣрингова отъна злата стола и своѣ миыѣ хоти красныѣ гаѣбовны сѣвыуя и обиуя **Б**ыли вѣчи трояни мненоула хѣта ярославла были пѣлци ольговы ольга сватъславлиуа тѣи бо олегъ мечемъ крамолоу коваше и стрѣлы по земли сѣяша стоупаетъ въ златъ стремень въ градѣ тьмоуторокани то же звонъ слыша давыни великии ярославъ а синѣ

въсеволожъ владиимѣръ по въса оутра оуши закладаше
въ ѿбрнговѣ бориса же вѧчеславлануа слава на соудъ
приведе и на канину зеленоу папоходлоу постыла за
обидоу ольговоу **Храбра** и млада къназа съ
тотъ же кацалы сватопѣлкъ полехѣя отъца
своего межю оугорскыми и походьци ко
сватѣи софии къ кыевоу тогда при
ользѣ горниславлануи сѣяшеться и
расташеть оусовицами погибашеть
жизнь даждьбожа въпouка въ
кънажахъ крамолахъ вѣци
условѣкомъ съкратиша тогда
по роусской земли рѣтко
ратасевѣ кыкахоутъ нъ
часто вранн граихоутъ
троупниа сопѣ дѣлауе
а галнци свою рѣуь
говорахоутъ хотать
полехѣти на
оуедне то было
въ ты рати
и въ ты
пѣлкы
а сицѣѣ
рати
не слы
шл

III

Дроугаго дъни вельми рано
кровавыѣ зори свѣтъ повѣдають
чyrныѣ тоучѣ съ моря идоуть
хотять прикрыти четыре сълнца
а въ нихъ трепещуть синѣ мълнии

быти громоу великомоу
ити дождю стрѣлами
съ доноу великаго

тоу ся копиемъ приламати
тоу ся саблямъ потроучати
о шеломы половецькыѣ
на рѣцѣ на каялѣ
оу доноу великаго

о роуськая землѣ
уже за шеломенемъ еси

се вѣтри стрибожи вѣноуци
вѣютъ съ моря стрѣлами
на храбрыѣ пѣлки игоревы
земля тоутнетъ
рѣкы моутно текоуть
пороси поля прикрывауть
стязи глаголуть
половыци идоуть отъ дона
и отъ моря и отъ всѣхъ странъ
роуськыѣ пѣлки остоушиша
дѣти бѣсови кликомъ
поля перегородиша

ТРЕТЬЯ ПЕСНЬ

назавтра побутру рáным-рано
кровавые зори рассвет возвещают,
чёрные тучи с моря текут —
хотят четыре солнца прикрыть,
а в них сини-молнии трепещут.

Греметь грому великому!
Лететь дождю стрелами
с Дона Великого!

Тут и копьям преломиться,
тут и саблям притупиться
о шелóмы половецкие,
на реке на Каяле
у Дона Великого.

О Русская земля,
ты уже за Шелóменем!

Это внуки Стрибóга — ветры
с моря стрéлами веют
на храброе войско Игоря.
Тут земля гудит.
Реки мутно текут.
Прах в полях пылит.
Стяги глаголют:
половцы идут оттуда, где Дон,
и от синего моря, и со всех сторон
русскую рать обступают.
И кликом Поле перегородили
бéсовы дети,

а храбрии роусици преградиша
чъреными щиты

Яръ тоуре въсеволодѣ
стоиши на борони
прыщеши на вои стрѣлами
гремлеши о шеломы
мечи харалоужъными

камо тоуръ поскочаше
своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая
тамо лежать поганыѣ
головы половецькыѣ
поскепаны саблями калеными
шеломы оварьскыѣ
отъ тебе яръ тоуре въсеволоде

кая раны дорога братие
забывъ чѣсти и живота
и града чѣрнигова
отъя злата стола
и своѣ милиѣ хоти
красъныѣ глѣбовыны
съвычая и обычая

Были вѣчи трояни
миноула лѣта ярославля
были пѣлци ольговы
ольга святъславлича

тыи бо олегъ
мечемъ крамолоу коваше
и стрѣлы по земли сѣяше
стоупаетъ въ златъ стремень
въ градѣ тьмоуторокани

а храбрые русичи им путь преградили
алыми щитами.

р Тур Всеволод Святославич!
Удар принимаешь.
Стрёлами прыщешь,
о шлемы гремишь
мечами харалужными.

И куда, Ярый Тур, поскакешь ты,
золотым шеломом посвечивая,
там и лежат поганые
головы половецкие,
расщеплены саблями калёными
шлемы аварские —
рукой твоей, Яр Тур Всеволод.

Разве ранят раны, дорогие братия,
того, кто забудет славы ради
и честь, и жизни величие,
и отцов злат-престол
во Чернигове-граде,
и красоту своей милой Глебовны,
ее свычаи и обычай!..

ека Трояна прошли.
Век Ярослава мйнул.
И прошли походы Олеговы,
Олега Святославича.

Тот князь Олег
расплю мечом выковывал,
стрёлами землю засеивал
да в Тмуторокани
в злато-стремя вступал.

то же звонъ слыша
давыныи великии ярославъ
а сынъ высеволожъ
владимѣръ по въся оутра
оуши закладаше въ чирниговѣ

бориса же вячеславлича
слава на соудъ приведе
и на каниноу зеленоу
паполомоу постыла
за обидоу ольговоу
храбра и млада кнѧзя

съ тоѣ же каялы святопѣлкъ
полемѣя отъца своего
межю оугорскими иноходьци
ко святѣи софии къ киевоу

тогда при ользѣ гориславлии
съяшеться и растишеть оусобицами
погыбашеть жизнъ дажьбожа въноука
въ кнѧжахъ крамолахъ
вѣци человѣкомъ съкратиша^{ся}

тогда по роуськои земли
рѣтко ратаевѣ кыкахоуть
нъ часто врани граяхоуть
троупия собѣ дѣляче
а галици свою рѣчъ говоряхоуть
хотять полетѣти на оуедине

то было въ ты рати и въ ты пѣлкы
а сицеѣ рати не слышано

Загодя звон тот слышал
еще Ярослав Великий,
а утро настанет — у черниговских ворот
Всеволодов сын Владимир
крепче уши заткнет.

А Бориса Вячеславича не стало —
привела его на Суд жажды славы
и у речки Кáнины
храбрецу младому
саваном зеленую стелила паполóму
за обиду Олега Святославича.

Не с такой ли Каялы худой
прямо к Киеву, к Софии Святой,
меж угбрских иноходцев повелел Святополк
отца своего прилелеять?

При Олеге Гориславиче посеянное зло
усобицами по земле взошло.
Достоянье правнука Даждьбóга
в княжеских раздорах погибало.
Жизни людские сократились.

Редко пахари покрикивали
в Русской земле,
а вороны часто кричали —
на тризне трупы делили,
а галки про свое говорили,
где, мол, нынче пища обильней?

То было в походах да битвах былых,
но прежде не слыхано ратей таких!

Съ зараннія до веуера съ веуера до свѣта лѣтать
стрѣлы каленыѣ громлють сабли о шеломы трещать
копниа харалужнаѧ въ полѣ незнаемѣ середи земли
половецькыѣ уѣрна земля подъ копыты костыни
была посѣяна а кровнию посыана тоугою възноша по
роуским земли уѣто ми шюмить уѣто ми звенить
давеуа рано предъ зорами игорь пѣлки заворуаеть
жаль бо емоу мила брата всеволода бишаса дѣнь
бишаса дроугии третыаго дѣни къ полоудѣнню
падоша стази игоревы тоу са брата разлоуинста на
березѣ быстрыѣ каїлы тоу кроваваго вина не доста
тоу пиръ доконуаша храбрини роусини сваты попонша
а сами полегоща за землю роускую пнуить трава
жалоющими а древо са тоугою къ земли преклонило

Оуже бо братне не веселаѧ година въсталла оуже
пустыни силоу прикрыла въсталла обнда въ силахъ
дажьбожа въноука въстоупила дѣвою на землю
треюю въсплескала лебединыма крылома на синѣмъ
море оу допоу плещюни оубоуди жирина вѣремена
оусобица къназемъ на поганыѣ погыбѣ рекоста
бо братъ братоу се мое а то мое же и пауаша
кънази про малое се великое мѣловити а сами на
себѣ крамолоу ковати а погании съ вѣсѣхъ странъ
приходжаху съ побѣдами на землю роускую
Одалеуе занде соколь пѣтицы быа къ морю а
игорева храбраго пѣлкоу не крѣсити за пимъ канкнуу
карьна и жѣла поскоуни по роуским земли смагоу
людемъ мыуюни въ памланѣ розѣ жены роускыѣ

въсплакаша а ръкоуын оуже памъ своихъ миыхъ
ладъ ни мыслю съмыслити ни думою съдумати
ни оума съгладати а злата и съребра ни мало
того потрепати а въстона бо братие киевъ
тоугою а урениговъ напастыли тоска
разлилася по роуским землям пеуаль
жирна тече середъ земли
роускыѣ а къпази
сами на собе
крамолоу ковахъю
а погании сами
побѣдами
парищюще
на роускую
землю
емлахъю
дань по
бѣль
отъ
дво
ра

IV

Съ зарания до вечера
съ вечера до свѣта
летять стрѣлы каленыѣ
гримлють сабли о шеломы
трещать копия харалоужьная
въ полѣ незнаемѣ
середи земли половецькыѣ

чѣрна земля подъ копыты
костьми была посѣяна
а кровию польяна
тоугою вѣзиша
по роуськой земли

ЧТО МИ ШЮМИТЬ
ЧТО МИ ЗВЕНИТЬ
давеча рано предъ зорями
игорь пѣлки заворочаетъ
жаль бо емоу
мила брата
вѣсеволода

бишася день
бишася дроугыи
третьяго дѣни къ полуудѣнию
падоша стязи игоревы
тоу ся брата разлоучиста
на березѣ быстрыѣ каялы
тоу кроваваго вина не доста

ЧЕТВЕРТАЯ ПЕСНЬ

т зари до вечера,
с вечера до зари
летят калёные стрелы,
сабли гремят о шлемы,
копья трещат харалужные
вó поле незнаемом
среди Половецкой земли.

Чернá земля засеяна
костью под копыта,
а кровью полита.
Прорости тоске
по Русской земле!

Что мне шумит,
что мне звенит
рано пред зорями дáвеча?
Игорь полки поворачивает:
жаль ему
брата милого
Всеволода Святославича.

День бились.
Другой бились.
А на третий день к полудню
стяги Игоревы пали...
Так на быстрой на Каяле
разлучился с братом брат —
им кровавого вина не хватило.

тоу пиръ доконъчаша
храбрии роусичи
сваты попоиша
а сами полегоша
за землю роусъкоую

ничить трава жалоющими
а древо ся тоугою
къ земли преклонило

ОУже бо братие
не веселая година въстала
уже поустыни силоу прикрыла

въстала обида
въ силахъ дажьбожа въноука
въстоупила дѣвою
на землю троянию

въсплескала лебединыма крылома
на синѣмъ море оу доноу
плещючи оубоуди жиръня веремена

оусобица къняземъ на поганыѣ погыбе
рекоста бо братъ братоу
се мое а то мое же
и начаша кънязи про малое
се великое мѣлвити
а сами на собѣ крамолоу ковати
а погании съ всѣхъ странъ
приходжаоу съ побѣдами
на землю роусъкоую

Так и храброе войско
пир завершило –
сватов напоили,
а сами полегли
за Русскую землю.

Травы пожухли от жалости,
а Древо в тоске
приклонилось к земле.

ратья! Уже настала
невеселая година —
немощь силу сломила.

Вот и всталася Обида
в стане внука Даждьбога
да по земле Трояна
девою побрела.

Восплескала лебедиными крыльями
у Дона на синем море,
так и замутила благие времена.

Эдак и погибла усобица с погаными.
Брат говорит брату:
— И твоё, мол, — тоже моё!
Тогда же князья про малое
промолвили: — Вот великое!..
И каждый выковал крамолу на себя.
А поганые набегами
рыщут с победами
по тебе, Русская земля.

Одалече заиде соколь
пътицъ бя къ морю
а игорева храбраго
пъмкоу не крѣстити
за нимъ кликноу карьна
и жыля по скочи
по роуськой земли
смагоу людемъ мычючи
въ пламянѣ розѣ

жены роуськыѣ въсплакашася а ръкоучи
уже намъ своихъ милыхъ ладъ
ни мыслию съмыслити
ни доумою съдоумати
ни очима съглядати
а злата и съребра
ни мало того потрапати

а въстона бо братие
кыевъ тоугою
а чyrниковъ напастьми
тоска разлияся по роуськой земли
печаль жирьна тече
середъ земли роуськыѣ

а кънязи сами на собе
крамолоу ковахоу
а погании сами
побѣдами нарищюще
на роуською землю
емляхоу дань по бѣлѣ отъ двора

слишком далеко сокол залетел,
побивая птиц — до мбря,
а храброй рати Игоря
уже не воскресить!

Кárна с кликом кинулась,
за ней Жéля ринулась
по Русской земле,
сех людям смагу
из огненного рога.

И заголосили жёны русские:
— Уже нам наших милых-любимых
ни мыслию смыслить,
ни думою сдуматъ,
ни очами увидать!
А сéребром да златом
вовек не поигратъ!

Ибо Киев, братья,
стал в скорбях стонать,
а Чернигов стонет от напастей.
Так по Русской земле разлилась тоска,
и печаль течет густа
по земле по Русской.

Но сами князья
куют крамолу на себя,
а поганые набегами
приходят с победами
на Русскую землю —
подавай им белку от каждого двора!

Та бо дъва Храбраѧ сватъславиꙗ игорь и
въсеволодъ оуже лъжю оубоуди ^{стя}которою то баше
оусъпилъ отецъ єю сватъславъ грозыны вѣликии
кыевыскии грозою башеть притрепетаѧ своими
сильными пѣлкы и Харалоужыными мечи настоупи
на землю половецькою притопъта хълми и яроугы
възмутни рѣкы и озера исоуши потокы и болота а
поганаго кобака из лоукоу мора отъ желѣзныхъ
вѣликихъ пѣлковъ половецькихъ яко вихърь
вытърже и падеса кобакъ въ градѣ кыевѣ въ
гридиницѣ сватъслави тоу нѣмци и венедици тоу
гречи и морава поютъ славоу сватъславлю кають
кыназа игоря иже погроузи жиръ во дѣнѣ каюлы
рѣкы половецькихъ роуськаго злата насыпаše тоу
игорь кыназъ высѣдѣ из сѣдла злата а въ сѣдло
А сватъславъ моутенъ сонъ видѣ въ кыевѣ на
горахъ си поѹ съ веуера одѣвахoute ма реуе убрпою
папохомою на кровати тисовѣ убрпахoute мн сине
вино съ троудомъ съмѣшено сыпахoute мн тѣшили
тоулы поганыхъ тѣлковинъ вѣликии жеңүүгъ на
лоно и пѣгоууть ма оуже дѣскы бес кынѣса въ
моемъ теремѣ златовърсѣмъ вѣсю пощь съ веуера
боусови врани възграюю оу ^{пах}иѣска на болони
бѣша дѣбрѣкы сани и не соша ^{са} къ синемоу морю
И рѣкоша бояре кыназю оуже кынаже тоуга оумъ
полонила се бо дъва сокола сълѣтѣста съ отына
стола злата поискати града тъмоуторокана а любо

ИСПИТИ ШЕЛОМОМЪ ДОНОУ ОУЖЕ СОКОЛОМА КРИЛЬЦА
ПРИПѢШАЛИ ПОГАНЫХЪ САБЛАДИ А САМОЮ ОПОУТАША
ВЪ ПОУТИНЫ ЖЕЛѢЗНЫ ТЕМЬНО БО Бѣ ВЪ ТРЕТЬИ
ДЕНЬ ДѢВА СЪЛНЦА ПОЛМѢРКОСТА ОБА БАГРАНАІА СТЪЛАПА
ПОГАСОСТА И СЪ НИЛА МОЛОДАІА МѢСАЦА ОЛЕГЪ И
СВАТЪСЛАВЪ ТЪМОЮ СА ПОВОЛОКОСТА НА
РѢЦѣ ПАКАЛА ТЪМЛА СВѢТЪ ПОКРЫЛА ПО
РОУСЬКОИ ЗЕМЛНІ ПРОСТЬРОШАСА ПОЛОВЫЦИ
АКЫ ПАРДОУШЕ ГНѢЗДО И ВЪ МОРѢ^{СЛА}
ПОГРУЗИСТА И ВЕЛИКОЕ БОУНСТВО
ПОДАСТА ХЫПОВИ ОУЖЕ СЪНЕСЕСА
ХОУЛА НА ХВАЛОУ ОУЖЕ ТРЕСНОУ
ПОУЖА НА ВОЛЮ ОУЖЕ ВЪРЖЕСА
ДНВЪ НА ЗЕМЛЮ СЕ БО
ГОТЬСКЫѣ КРАСЬНЫѣ
ДѢВЫ ВЪСПѢША НА
БЕРЕЗѢ СИНЕМОУ МОРЮ
ЗВОНА РОУСЬКЫМЪ
ЗЛАТОМЪ ПОНТЬ
ВЕРЕМА БОУСОВО
ХЕЛѢЮТЬ МЕСТЬ
ШАРОКАНЮ
А МЫ ОУЖЕ
ДРОУЖИНА
ЖАДЬНИ
ВЕСЕЛ
НЯ

V

Та бо дъва храбрая святъславлича
игорь и въсеволодъ
уже лъжю оубоуди^{ста}
котороую то бяше оусъниль
отець ею святъславъ
грозныи великии киевъскыи

грозою бяшеть притрепеталь
своими сильными пълки
и харалоужъными мечи
настоуши на землю половецъкою
притопъта хълми и яроуги
възмоути рѣкы и озера
исоуши потокы и болота

а поганаго кобяка из лоукоу моря
отъ желѣзъныхъ великихъ
пымковъ половецъкыихъ
яко вихърь вытърже
и падеся кобякъ въ градѣ киевѣ
въ гридьницѣ святъславли

тоу нѣмыци и венедици
тоу греки и морава
поють славоу святъславлю
кають кънязя игоря
иже погроузи жиръ
во дънѣ каялы
рѣкы половецъкыѣ
роускаго злата насышаše

ПЯТАЯ ПЕСНЬ

от как двоих храбрых Святославичей,
Игорь и Всеволод,
неправду пробудили,
а было усыпил её
отец их Святослав —
грозный, великий, Киевский!

Расплю в трепет вверг грозой —
харалужными мечами
да могучими полками
наступил на Поле Половецкое,
притоптал холмы и овраги,
замутил озёра и реки,
иссушил потоки и болота.

А потом и Кобякá
от Лукоморья — в облака
исторг, как вихрь,
из строя железных полков половецких,
и в Киеве Кобяк упал сам не свой
в гриднице Святославовой.

Тут немцы и венецийцы,
морáва и греки
славу Святославу пели,
князя Игоря кáяли,
мол, свое достоянье
утопил он на дне
реки половецкой Кайлы,
завалив ее русским золотом.

тоу игорь кънязь высѣдѣ
из сѣдъла злата
а въ сѣдъло кошиево
оуныша бо градомъ забралы
а веселие пониче

А святъславъ моутенъ сонъ видѣ
въ киевѣ на горахъ

си ночь съ вечера
одѣвахоуте мя рече
чирною паполомою
на кровати тисовѣ
чирпахоуть ми синее вино
съ троудомъ сѣмѣшено
сыпахоуть ми тѣщими тоулы
поганыхъ тѣлковинъ
великии женьчугъ на лоно
и нѣгоуютъ мя

уже дѣски бес кънѣса въ моемъ
теремѣ златовърсѣмъ

въсю нощь съ вечера
боусови враны възграяхоу
оу плѣсѣньска на болони
бѣша дебрѣскы сани
и несонася къ синемоу морю

И рѣкоша бояре кънязю
уже къняже тоуга оумъ полонила
се бо дѣва сокола сѣлѣтѣста
съ отъня стола злата
поискати града тъмоутороканя
а любо испити шеломомъ доноу

Тут-то князь и пересел
из седла златого —
в невольниче седло.
Городские приуныли забра́ла.
Веселье увяло.

утный сон приснился Святославу
в Киеве на горах:

— Всю ночь, — говорит, —
обряжали меня
чёрными покрёбами
на тýской кровати,
чёрпали мне синее вино,
с зельем оно перемешено.
Из худых колчáнов
толковíнов поганых
крупным жемчугом лоно посыпáли,
всё-то меня ублажали...

А где был князёк — там прореха.
Уже терем златоверхий мой без верха!

И всю ночь кричали серые вороны
На лугах плесéнских за гóродом...
А как тронулись сани смертные —
тут и сами дебри Кисáнские
поскалали к синему морю!..

бояре князю сказали:
— Полонила, князь, твой разум кручинा!
То с престола отцова высокого
слетели два сóкола
Тмуторокань добыть
либо Дону шлемами испить.

оуже соколома крильца припѣшали
поганыхъ саблями
а самою опоуташа
въ поутины желѣзны

темьно бо бѣ въ третѣи день
дѣва сѣлнъца помѣркоста
оба багряная стыла погасоста
и съ нима молодая мѣсяца
олегъ и святъславъ
тѣмою ся поволокоста

на рѣцѣ на каялѣ
тьма свѣтъ покрыла
по роуськои земли
простирашася половыци
акы пардоуще гнѣздо

и въ морѣ погроузиста
и великое боуиство
подаста хынови

оуже сънесеся хоула на хвалоу
оуже тресноу ноужа на волю
оуже вyrжеся дивъ на землю

се бо готьскыѣ красыныѣ дѣвы
въспѣша на березѣ синемоу морю
звоня роуськымъ златомъ
поютъ веремя боусово
лелѣютъ месть шароканю
а мы оуже дроужина жадыни веселия

Тем соколикам крылышки подрэзали
саблями половецкими,
а самих опутали
железными путами.

Было в третий день темно,
ибо два солнца померкли,
два багряных столпа погасли,
а младые месяцы
уже и не светятся,
тьмою заволоклись...

На реке на Каяле
тьма свет одолела,
половцы рыщут
в Русской земле,
точно свора гепардов.

...закатились за море
Олег и Святослав,
силу великую хйновам придав!

Уже напала хула на хвалу,
уже насело насилье на волю,
уже накинулся Див на землю.

Тут и готские красны-дёвицы
перед синим морем распелися,
русским золотом позванивая,
время Бусово нахваливая,
лелеют месть за хана Шарукáна,
а нам, дружине, ужé не вéсело.

Тогда великии святъславъ изропи злато слово съ слезами
съмѣшено и рече о моя сыновьла игорю и вьсеволодѣ
рано еста науала половецькою землю меун цвѣлити
а себѣ славы искати нъ неустьно одолѣсте неустьно
бо кровь поганою прошлисте ваю храбрая сърдца въ
жестоцель харалоузѣ съкованѣ а въ боести закаленѣ
се ли сътвориoste моен съребренен сѣдинѣ а оуже не
вижю власти сильнаго и богатаго и многовон брата
моего ярослава съ ульриговскими былами съ могуты и
съ татраны и съ шельбиры и съ топуакы и съ ревоугы
и съ ольберы тин бо бес щитовъ съ засапожники
кликомъ пѣлкы побѣждають звонаун въ прадѣдѣнию
славоу нъ рекосте мужанимъ са сами передѣнию славоу
сами похитимъ а заднею са сами подѣлимъ а уни диво
са братиe староу помолодити коли соколь въ мытѣхъ
бываеть высоко пѣтиць възвишаеть не дастъ гнѣзда
своего въ обиду нъ се зъло кънаже ми непособне па
ниче са години обратиша се оу римъ ^{ва} крнугать подъ
саблами половецькими а володимѣръ подъ рапами
тоуга и тоска сыну губбовоу великии кънаже вьсеволодѣ
не мыслию ти прелетѣти издалеуа отъна злата стола
побѣдости ты бо можеши вълагу веслы раскропити а допъ
шеволмы вылыати аже бы ты былъ то была бы уага
по ногатѣ а кощен по резанѣ ты бо можеши посоухоу
живыми шерешниры стрѣлати оудалыми сыны губбовы
Ты боун рюриче и давиде не ваю ли храбрая дружина
рыкаютъ акы тоури рабены саблами калеными па похѣ
незнаемѣ въстуپита господина въ злата стрелени за
обиду сего времени за землю руською за рапы игоревы

БОУЕГО СВАТЪСЛАВЛНУА ГАЛНУКъИ ОСМОЛМЫСЛЪ ІАРОСЛАВЕ
ВЫСОКО СЪДИШИ НА СВОЕМЪ ЗЛАТОКОВАНЪМЪ СТОЛЪ
ПОДЪПРЪ ГОРЫ ОУГОРЬСКЫГЪ СВОИМИ ЖЕЛЪЗНЫМИ ПЪЛКЫ
ЗАСТОУПИВЪ КОРОЛЕВИ ПОУТЬ ЗАТВОРИВЪ ДОУНАЮ ВОРОТА
МЕУА БЕРЕМЕНЫ УЕРЕЗ ОБЛАКЫ СОУДЫ РАДА ДО ДОУНАЮ
ГРОЗЫ ТВОГЪ ПО ЗЕМЛЯМЪ ТЕКОУТЬ ОТЪВОРАЕШИ КЫЕВОУ
ВРАТА СТРѢЛАЕШИ СЪ ОТЪПА ЗЛАТА СТОЛА САЛЬТАНИ ЗА
ЗЕМЛЯМЪ СТРѢЛАН ГОСПОДИНЕ КОПЬУАКА ПОГАНАГО КОЩЕЯ
ЗА ЗЕМЛЮ РОУСЬКОЮ ЗА РАНЫ ИГОРЕВЫ БОУЕГО СВАТЪСЛАВЛНУА

А ТЫ БОУИ РОМАНЕ И МЪСТИСЛАВЕ ХРАБРАЮ МЫСЛЬ ПОСИТЬ
ВАЮ ОУМЪ НА ДѣЛО ВЫСОКО ПЛАВАЕШИ НА ДѣЛО ВЪ БОУЕСТИ
ИАКО СОКОЛЪ НА ВѢТРЕХЪ ШИРЛАСА ХОТА ПЪТИЦЮ
ВЪ БОУИСТВѢ ОДОЛѢТИ СОУТЬ БО ОУ ВАЮ ЖЕЛЪЗНЫИ
ПАПОРЗИ ПОДЪ ШЕЛОМЫ ЛАТИНЬСКЫМИ ТѣМИ ТРЕСНОУ
ЗЕМЛЯ И МЪНОГЫ СТРАНЫ ХЫПОВА ХИТЬВА ІАТВАЗИ
ДЕРЕМЕЛА И ПОЛОВЬЦИ СОУЛНЦИ СВОГЪ ПОВЪРГОША А ГЛАВЫ
СВОГЪ ПОКЛОНИША ПОДЪ ТЫГЪ МЕУИ ХАРАЛУЖЬНЫГЪ ПЪ
ОУЖЕ КЪПАЖЕ ИГОРЮ ОУТЬРПЪ СЪХНЦЮ СВѢТЬ А ДЕРЕВО
НЕ БОЛОГОДЬ ХИСТЬВИЕ СЪРОПИ ПО РЪСИ И ПО СОУЛЪ ГРАДИ
ПОДЪЛНИША А ИГОРЕВА ХРАБРАГО ПЪЛКОУ НЕ КРѢСИТИ
ДОПЪ ТИ КЪПАЖЕ КЛИЧЕТЬ И ЗОВЕТЬ КЪПАЗИ НА ПОБѣДОУ
ОЛЬГОВИУИ ХРАБРЫИ КЪПАЗИ ДОСПѢЛН НА БРАНЬ ИНЪГварь И
ВЫСЕВОЛОДЪ И ВСИ ТРИЕ МЪСТИСЛАВЛНУИ НЕ ХОУДА ГНѣЗДА
ШЕСТОКРИЛЬЦИ НЕПОБѣДНЫМИ ЖЕРЕБИН СОВГЪ ВЛАСТИ
РАСХЫТИСТЕ КОЕ ВАШИ ЗЛАТЫИ ШЕЛОМЫ И СОУЛНЦИ
ЛАЦЬКЫГЪ И щиты ЗАГОРОДИТЕ ПОЛЮ ВОРОТА СВОИМИ
ОСТРЫМИ СТРѢЛАМИ ЗА ЗЕМЛЮ РОУСЬКОЮ
ЗА РАНЫ ИГОРЕВЫ БОУЕГО
СВАТЪСЛАВ

ЛНУА

VI

Тогда великии святыславъ
изрони злато слово
съ слезами съмѣшено и рече

о моя сыновьча
игорю и вѣсеволоде
рано еста начала
половецькою землю
мечи цвѣлити
а собѣ славы искати
нъ нечестиво одолѣсте
нечестиво бо кровь
поганою пролиясте
ваю храбрая сърдца
въ жестоцемъ харалоузѣ съкованѣ
а въ боуести закаленѣ
се ли сътвористе
мои съребренеи сѣдинѣ

а оуже не вижю власти
сильного и богатаго и мѣноговои
брата моего ярослава
съ чѣрниговьскими былями
съ могоуты и съ татраны
и съ шельбиры и съ топчакы
и съ ревоугы и съ ольбера
тии бо бес щитовъ
съ засапожники
кликомъ пѣлки побѣждаютъ
звонячи въ прадѣльною славоу

ШЕСТАЯ ПЕСНЬ

ут Великий Святослав
изронил злато-слово,
со слезами его смешав:

— Что же вы, мои детушки,
Игорь и Все́волод,
рановато вздумали
Полю Половецкому
мечами досаждать,
славу себе добывать...
Ведь не с честью воевали,
не по чести проливали
кровь поганых!
Ваши храбрые сердца
в булате жарком выкованы,
бранями закалены...
Что ж не пощадили
серебряной моей седины?

А уже не вижу власти
многоратного и богатого
Ярослава, брата моего,
с черниговскими боярами,
шельби́рами и татра́нами,
реву́гами и ольбера́ми,
могута́ми и топчака́ми!
Им не надо щитов —
с засапожными ножами
в поле кликом побеждают,
в славу пра́дедов звоня.

нъ рекосте
моужаимѣ ся сами
передынюю славоу сами похитимъ
а задынею ся сами подѣлимъ

а чи диво ся братие
староу помолодити
коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ
высоко птицъ възбиваеть
не дасть гнѣзда своего въ обидоу
нть се зъло къняжье ми непособие
на ниче ся годины обратиша

се оу римъва кричать
подъ саблями половецькими
а володимѣръ подъ ранами
тоуга и тоска сыноу глѣбовоу

великыи къняже вѣсеволоде
не мыслию ти прелетѣти издалеча
отыня злата стола поблюсти
ты бо можеши вългоу веслы раскропити
а донъ шеломы выльяти
аже бы ты былъ то была бы
чага по ногатѣ
а кощен по резанѣ
ты бо можеши посоухоу
живыми шереширы стрѣляти
оудалыми сыны глѣбовы

Ты боуи рюриче и давыде
не ваю ли бояре
злачеными шеломы
по крови плаваша
не ваю ли храбрая дружина

Но двое решили:
— Мы сами большие!
Похитим славу прошлую —
поделим грядущую!

Эко диво, братья, впредь
старому помолодеть!
Побывает в линьке сокол —
побивает птиц высоко,
не дает в обиду гнезда.
Вот где зло: мне не в помощь князья.
Обратились времена наизнанку.

Возле Римова кричат
под саблями погаными,
а Владимир — под ранами.
Сыну Глебову — тоска и печаль.

Князь Великий Всеволод!
Даже ведь и в мыслях не летишь издалека
отчий злат-престол защитить,
а ведь можешь вёслами Волгу расплескать,
шлемами Дон вычерпать!..
Áбы да кабы тут был бы ты, —
пошла б раба по ногате,
а кощей-невольник по резане.
Ты же можешь посуху
стрелять живыми шерешарами —
удалыми рязанскими Глебовичами!

ты, Буй Рюрик, и ты, Давыд!
Не ваши ли бояре
в золочёных шлемах
плавали по крёви?
Не ваши ли храбрые дружинники

рыкають акы тоури
ранены саблями калеными
на полѣ незнаемѣ
въстоупита господина
въ злата стремени
за обидоу сего времени
за землю роуськоую
за раны игоревы
боуего святыславича

галичъкъи осмомыслѣ ярославе
высоко сѣдиши на своемъ
златокованѣмъ столѣ
подъперь горы оугорьскыѣ
своими желѣзными пѣнки
застоупивъ королеви поуть
затворивъ доунаю ворота
мечи беремены через облакы
соуды ряда до доунай
грозы твоѣ по землямъ текоуть
отъворяеши кыевоу врата
стрѣляеши съ отыня злата стола
салтани за землями
стрѣляи господине коньчака
поганаго кощя
за землю роуськоую
за раны игоревы
боуего святыславича

А ты боуи романе и мѣстиславе
храбрая мысль носить
ваю оумъ на дѣло
высоко плаваеши
на дѣло въ боуести
яко соколь на вѣтрехъ ширяся

ревели турами ранеными
под саблями погаными
на поле незнаемом?
Встаньте, князья,
вступите в злато-стремя —
за попранное время,
за землю Русскую,
за раны Игоря —
встаньте, князья!

А ты, Осмомысл Ярослав!
Восседаешь высокό
на галицком престоле златокованом!
Ты Угёрские горы клюками подпёр —
своими полками железными,
путь королю преступая,
Дунай затворяя,
мечешь глыбы свысока через облака
и суды рядишь до Дуная.
И гремит над землями воля твоя.
Ты Киеву врата отворял,
в дальних землях салтанов стрелял
с отцова злата-престола.
Так стреляй же, Кончакá,
поганого кочевника!
За землю Русскую,
за раны Игоря —
встань, князь!

рабый Роман и Мстислав!
Мысли ваши стремглав
ум переводит в дело.
Вы на битву
высоко летите,
на ветráх, словно сóколы, парíте,

хотя пътищю въ боуиствѣ одолѣти
соуть бо оу ваю желѣзныи папорзи
подъ шеломы латиньскими
тѣми тресноу земля и мъногы страны
хынова литъва ятвязи деремела
и половыци соулици своѣ повъргоша
а главы своѣ поклониша
подъ тыѣ мечи харалоужныѣ

и нъ оуже къняже
игорю оутърпѣ съмнъщю свѣтъ
а дерево не бологомъ листъвие сърони
по ръси и по соулѣ гради подѣлиша
а игорева храбраго пълкоу не крѣсити

донъ ти къняже кличетъ
и зоветь кънязи на побѣдоу
ольговичи храбрыи кънязи
доспѣли на брань

инъгварь и вѣсеволодъ
и вѣси трие мыстиславличи
не хоуда гнѣзда шестокрильци
непобѣдными жеребии
собѣ власти расхытисте
кое ваши златыи шеломы
и соулици ляцькыѣ и щиты
загородите полю ворота
своими острыми стрѣлами
за землю роуськоую
за раны игоревы
боуего святъславича

дабы удалью птиц превзойти.
Есть у вас подкрылки железные
под шлемами латинскими,
и земля от них просела, страны треснули,
а Литва и Хйнова, Ятвяги и Дремёла,
и половцы копья роняли,
а головы преклоняли
под ваши мечи харалужные.

Но уже для Игоря
солнца свет не светел,
а древо листву не добром уронило.
По Сулé да по Роси города поделены,
а храброй рати Игоря вовек не воскресить!

Дон взыывает к вам, князья,
зовет на победу,
а доблестные Ольговичи
на брань подоспели...

Ингварь-князь и Всеволод,
и трое Мстиславичей,
не худá гнезда шестикрыличи!
Вы-то в победных жребиях
не делили уделов...
Где же ваши копья ляшские?
Что стало с вашими шлемами?
Загородите Полю ворота
своими острыми стрёлами —
за землю Русскую,
за раны Игоря,
славного Святославича!

ОЧже бо соуда не течеть съребреными строуали къ градо Переяславла и двина болотомъ течеть онымъ грозынмъ полоуаномъ подъ кликомъ поганыхъ единъ же изаславъ сынъ Васильковъ позвони своимъ острыйни мейни о шеломы о лантовьскыѣ притрепа славоу дѣдуо своеюу въсеславоу а самъ подъ убрѣенными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ лантовьскыими мейни и съхоти ю на кровъ ать и рекъ дроужину твою къна же пѣтицѣ крилы приодѣша звѣри кровь похища не бысь тоу брата браунислава ни дроугаго въсеволода единъ же изрони женьуюжну доушю ис Храбра тѣла через злато ожерелье оунылы голоси пониye въселие трубы трубать городеньскыѣ ярослави и въси въноуци въсеслави оуже понизить стази свои вонъзить свои мейни вережени оуже бо выскоунсте из дѣднѣцѣ славы вы бо свои ми крамолами науасте наводити поганыхъ на землю руською на жизнь въсеславию которою бо бѣше насилие отъ земли половецькыѣ **Н**а седьмомъ вѣцѣ троиши върже въсеславъ жеребини о дѣвицю собѣ любоу тѣи клюкамъ подъпъръса окони искоуни къ градоу киевоу и дотѣуеса строужнемъ злата стола киевьскаго скони отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ пѣльноуи из бѣлагорода обѣсиса синѣ мѣгѣ оутѣрже вазни съ три коусы отъвори ворота новоугородоу расшире славоу ярославоу скони вълкомъ до пемигы съ дуудоутокъ на пемизѣ спопы стелютъ головами молотать чепы Харалоужными на тоцѣ животъ кладоутъ вѣютъ доушю отъ тѣла

нѣмизѣ кровави берези не бологомъ баխутъ постыани
постыани костыми роуськыХъ сыновъ въсеславъ къназы
людемъ соудаше къназы мъ грады радаше а самъ въ
ночь вълкомъ рискаше ис києва дорискаше до коуръ
тымоуторокана великому хърсови вълкомъ поуть
прерискаше томоу въ полотьске позвониша залу
трепюю рано оу сватыѣ софѣи въ колоколы а онъ въ
киевѣ звонъ слыша аще и вѣща душа въ дроузѣ
тѣхъ нъ участо вѣды страдаше томоу вѣшени боанъ
и първоє припѣвъкоу съмысленыи реүе ни хытру ни
гораздоу ни пътицию гораздоу соуда божиѧ не миноути

О стопати роуськон земли помановъши
първоую годину и първыхъ къназы
того стараго владимѣра не
льзѣ вѣ пригвоздити къ
горамъ киевьскымъ
сего бо нынѣ сташа
стази рюрикови
а дроузин
давидови
нъ розѣно
са имъ
Хоботы
пашютъ
копниа
пою
ть

VII

ОУже бо соула не течеть
съребренными строуями
къ градомъ переяславля
и двина болотомъ течеть
онымъ грозынъмъ полочаномъ
подъ кликомъ поганыхъ

единъ же изяславъ
сынъ васильковъ
позвони своими оstryми мечи
о шеломы о литовьскыѣ
притрепа славоу
дѣдуо своемоу вѣсеславоу
а самъ подъ чирлеными щиты
на кровавѣ травѣ
притрепанъ литовьскими мечи

и съхоти ю на кровъ
ать и рекъмо

дружиноу твою къняже
птицѣ крилы приодѣша
а звѣри кровь полизаша

не бысть тоу брата брячислава
ни друугаго вѣсеволода
единъ же изрони женьчюжью доушю
ис храбра тѣла через злато ожерелие

оунылы голоси пониче веселie
троубы троубять городенъскыѣ

СЕДЬМАЯ ПЕСНЬ

уже и не журчат
струи Сулы серебром
для градов Переяславских,
и под топотом поганых
потекла Двина болотом
для могучих полочан.

И лишь Изяслав,
сын Васильков,
один позвенел мечами острыми
о шлемы литовские.
Прирубил он славу
к славе деда Всеслава
и под красными щитами
литовскими мечами
сам подрублен на траву кровавую.

Хотел ею укрыться...
А про то говорится:

— Княже, твою дружину
птицы приодели крылами,
ну а звери кровь зализали.

Не было с ним брата Всеволода
и брата Брячислава рядом не было.
Так жемчужную душу из храброго тела
он один изронил через злато-ожерелье.

Голоса приуныли. Поникло веселье.
Трубы трубят городенские:

ярославли и въси въноуци въсеславли
уже понизить стязи свои
вонъзить свои мечи вережени
уже бо выскоисте из дѣльнеѣ славы
вы бо своими крамолами
начасте наводити поганыѣ
на землю роуською
на жизнь въсеславлю
которою бо бѣше насилие
отъ земли половецькыѣ

На седьмомъ вѣцѣ трояни
върже въсеславъ жеребии
о дѣвицу собѣ любоу
тыи клюками подъпъръся окони
искочи къ градоу кьеvoу
и дотъчеся строужиемъ
злата стола кьеvьскаго

скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
въ пыльночи из бѣлагорода
обѣсися синѣ мъглѣ
оутѣрже вазни съ три коусы
отъвори ворота новоугородоу
расшибе славоу ярославоу
скочи вѣлкомъ до немигы съ доудоутокъ

на немизѣ споны стелютъ головами
молотять чепы харалоужьными
на тоцѣ животъ кладоутъ
вѣютъ доушю отъ тѣла
немизѣ кровави берези
не бологомъ бяхоутъ посѣяни
посѣяни костыми роуськыхъ сыновъ

Внуки Ярослава и Всеслава!
Стяги свои склоните,
мечи оскверненные в землю вонзите!
Славу прадедов попрали
и крамолами своими
наводить поганых стали
на землю Русскую,
на нивы Полоцка!
Обернулись ваши распри
насилием от половца.

а седьмом веку Трояна
бросил Всеслав жребий
о Деве ему любезной.
Он обманом за клюку ухватился,
той клюкой за коней уцепился,
наскочил на Киев — и дрёвком
доткнулся злата-престола.

Лютым зверем отскочил в полўночи,
бросив киевлян у Бел-гóрода,
обернулся синей мглой
да и взял ворожбой —
в три удара отворил врата Новгорода,
расшиб славу Ярослава, но волком бежал,
до реки Немиги с Дудóтом.

На Немиге стелют головы снопами,
молотят харалужными цепами,
жизнь положив на ток,
отвевают душу от тела.
У Немиги-реки берега в крови —
не добром они были засеяны,
засеяны костьюми русских сынов.

въсеславъ кънязь людемъ соудяше
къняземъ грады рядяше
а самъ въ ночь вълкомъ рискаше
ис кыева дорискаше
до коуръ тъмоутороканя
великомоу хърсови
вълкомъ поуть прерискаше

томуу въ полотьскѣ позвониша заутренюю
рано оу святыѣ софѣи въ колоколы
а онъ въ кыевѣ звонъ слыша
аше и вѣща доуша въ дроузѣ тѣлѣ
нъ часто бѣды страдаше
томуу вѣщее боянъ
и първое припѣвъкоу съмысленныи рече

ни хытруу, ни гораздоу
ни пѣтию гораздоу
сугда божия не миноути

О стонати роуськои земли
помяноувъще първою годиноу
и първыхъ кънязеи
того стараго владимѣра
не лъзѣ бѣ пригвоздити
къ горамъ кыевьскимъ
сего бо нынѣ сташа
стязи рюрикови
а дроузии давидови
нъ розѣно ся имъ хоботы пашютъ
копия поуть

Князь Всеслав людям суд судил,
князьям города рядил,
а потом в полўночи по-волчъи скакал,
прежде пенья петушиного —
от самого Киева
поспевал до стен Тмуторокáни,
волком путь перебегал великому Хóрсу.

Ему в Полоцке колокола Святой Софии
рано-поутру к заутрене звонили,
а бн-то в Киеве звóн тот слушал.
Хоть и вещью душу, и два тела имел —
множество бед претерпел.
А ему ещё вот что вещий Боян
в давней припевке, мудрый, припел:

— Ни хитрому, ни гораздому,
ни кóбнику гораздому
Божьего Суда не миновать!

стонать Русской земле,
поминая свое начало
и первых князей!
Того Старого Владимира
к Киевским горам
кто бы смог приковать?
Вот и ныне встали
Рюриковы стяги,
а напротив Давыдовы стоят,
но поврозь плещут их полотнища,
копья поют не в лад.

На дунаи ярославнии гласть^{са} слышить зегъзицею
незнаемь рано кыуеть полею рече зегъзицею по
дунаеви омою бебранъ рука въ рѣцѣ въ каляхъ
бутъроу кънаю кровавыѣ его раны на жестоцѣмъ
его тѣлѣ ярославна рано плауеть въ поутини на
забрахъ а рькоуи о вѣтре вѣтрило уемоу господине
насильно вѣши уемоу мышени хыновьскыѣ стрѣльцы
на своею нѣтруудьною крильцию на моеѣ лады вон
мало ли ти башетъ горѣ подъ облакы вѣяти
лехъюи корабли на синѣ морѣ уемоу господине мое
веселie по ковылию развѣя ярославна рано плауеть
поутини городу на забородѣ а рькоуи о дѣнепре словоу
тици ты пробилъ еси каменныѣ горы сквозѣ землю
половецькою ты лехъялъ еси на собѣ сватослави
псады до пѣлкоу кобакова възлехъи господине мою
ладоу къ млыѣ а быхъ несълала къ немоу слезъ на
море рано ярославна рано плауеть въ поутини на
забрахъ а рькоуи свѣтълое и тресвѣтълое сълнци
вѣсѣмъ тепло и красно еси уемоу господине простъре
горяуию свою лоуую на лады вон въ полѣ бѣзоводьиѣ
жажею имъ лоуун съпраже тоугою имъ тоулы затъуе
Прысноу море полоупоши идоуть съморци мъглами
игореви кънаю богъ поуть кажеть из земли
половецькыѣ на землю роуською къ отиню златоу
столоу погасоша веуероу зори игорь съпнть игорь
бѣдить игорь мыслю пола мѣрить отъ великаго
допоу до малаго допьца комонь въ полоупоуни овлоуръ
свиноу за рѣкою веитъ кънаю разумѣти
кънаю игорю не быть кинкоу стоккоу земля
въшиомъ трава вежи са половецькыѣ подвизашася

А ИГОРЬ КЪНАЗЬ ПОСКОУИ ГОРЬНОСТАЕМЪ КЪ ТРОСТНЮ
И Бѣхъимъ ГОГОЛЕМЪ НА ВОДOU ВЪВЪРЖЕСА НА БЪРЗЪ
КОМОНЬ И СКОУИ СЪ НЕГО БОСЫМЪ ВЪЛКОМЪ И
ПОТЕҮЕ КЪ ЛОУГОУ ДОНЫЦА И ПОЛЕСТЪ
СОКОЛОМЪ ПОДЪ МЪГЛАДИ ИЗЕНВАД
ГУСИ И ЛЕВЕДИ ЗАВЪТРОКОУ И
ОБѣдou И ОУЖИНЪ КОИИ
ИГОРЬ СОКОЛОМЪ ПОЛЕСТЪ
ТОГДА ВЪЛЮРЪ
ВЪЛКОМЪ ПОТЕҮЕ
ТРОУСА СОБОЮ
СТОУДЕНОУЮ РОСОУ
ПРЕТЪРГОСТА
БО СВОІА
БЪРЗАДА
КОМО
НА

VIII

На доунаи ярославынинъ
гласъ ся слышить
зегъзицею незнаемъ
рано кычеть

полечю рече зегъзицею по доунаеви
омочю бебрянъ роукавъ въ рѣцѣ въ каялѣ
оутроу кънязю кровавыѣ его раны
на жестоцѣмъ его тѣлѣ

ярославына рано плачетъ
въ поутиви на забралѣ а ръкоучи

о вѣтрѣ вѣтрило
ченоу господине
насильно вѣши
ченоу мычени
хыновыскыѣ стрѣльцы
на своею нетроудыною крильцю
на моеѣ лады вои
мало ли ти бяшеть горѣ
подъ облакы вѣяти
лелѣючи корабли
на синѣ морѣ
ченоу господине
мое веселие
по ковылию развѣя

ВОСЬМАЯ ПЕСНЬ

то голос Ярославны,
достигая Дуная,
зегзицею незнаемой
взывает, стеная:

— По Дунаю поутру я зегзицей полечу,
белый шёлковый рукав омочу в Каяле,
княжьи жаркие раны сама оботру
на теле его болезном!

Ярославна рано-поутру стенает,
на путивльской стене причитает:

— О Ветер-Ветрило,
зачем, господин,
веешь против дружин
лады милого?
Зачем ты несёшь
поганые стрелы
на лёгких своих крылах?
Разве мало
тебе было
в вышине под облаками веять,
корабли на синем море лелеять?
Зачем, господин,
радость мою
развеял по ковылю?

ярославына рано плачеть
поутили городоу
на заборолѣ а ръкоучи

о дънепре словоутию
ты пробиль еси каменьныѣ горы
сквозѣ землю половецькою
ты лелѧль еси на собѣ
святославли носады
до пѣлкоу кобякова
възлелѣи господине
мою ладоу къ мѣнѣ
а быхъ несъмала
къ немоу слезъ
на море рано

ярославына рано плачеть
въ поутили на забралѣ а ръкоучи

свѣтълое и тресвѣтълое сълынѣ
въсѣмъ тепло и красъно еси
чемоу господине простире
горячюю свою лоучю на лады вои
въ полѣ безводынѣ
жажею имъ лоучи съпряже
тоугою имъ тоулы затъче

Прысноу море полууноши
идоуть съморци мыглами
игореви кънязю
богъ поуть кажеть
из земли половецькыѣ
на землю роуською
къ отъню златоу столоу

Ярославна рано-пóутру стенаёт,
на путивльской стене
горько причитает:

— О Днепр Славúтич! Ты пробил
каменные горы
в земле Половецкой!
Ты качал на своей спине
до Кобáкова стана
ладыи Святослава!
Прилелей, господин,
ладу моего — ко мне,
чтобы слёз не посыпала
я к нему в твоей волне
на море рано!

Ярославна рано-пóутру стенаёт,
на путивльской стене причитает:

— Светлое, тресветлое Солнце!
Всех ты ласкаешь, почему же
палящие лучи простираешь
на воинов мужа?
Жаждой в безводном поле
за что, владыко, луки обессилило,
тоской колчаны заткнуло!

в полúночи море плеснуло.
Тучи стелются долу.
Это князю Игорю
путь Господь указывает
из земли Половецкой —
к Русской земле,
к отцову злату-престолу.

погасоша вечероу зори
игорь съпить игорь бѣдить
игорь мыслию поля мѣрить
отъ великаго доноу
до малаго доњца

комонь въ полуночи
овлоуръ свистнуо за рѣкою
велить кънязю разоумѣти
кънязю игорю небыть кликую
стоукноу земля въшюмѣ трава
вежи ся половецькыѣ подвизашася

А игорь кънязь поскочи
горьностаемь къ тростию
и бѣлымъ гоголемъ на водоу
въвържеся на бѣрзъ комонь
и скочи съ него босымъ вълкомъ
и потече къ лоугу доњца
и полетѣ соколомъ подъ мыглами
избивая гоуси и лебеди
завѣтрокоу и обѣдоу и оужинѣ

коли игорь соколомъ полетѣ
тогда вълоуръ вълкомъ потече
троуся собою стоуденоую росоу
претъргоста бо своя бѣрзая комоня

К ночи зори догорели —
Игорь спит, да не спит.
Игорь мыслью поля измеряет
от Великого Дона
до Малого Донца.

Вот и коня в полуночи
Овлур за рекою свистнул,
велит разуметь князю Игорю,
в плену, мол, ему не быть!..
Стукнет земля, травы всшумят,
вежи половецкие прянут назад.

то Игорь поскакал
горностаем к тростникам,
белым гоголем на воду упал,
бросился на спину борзого коня,
быстрым волком с него соскочил
и к излучине Донца поскакал,
и соколом под тучами полетел,
а гусей-лебедей для себя добывал
к завтраку, обеду и ужину.

Если Игорь полетел соколом,
Овлур волком потрусиł по полю,
и студёную росу на скаку отрясали,
и борзых своих коней загнали.

Донець рече кънаже игорю не мало ти вѣлиниѧ а
коныакоу нелюбниѧ а роускѹи земли веселниѧ игорь рече
о доньце не мало ти вѣлиниѧ лехъявъши къназа на
вълахъ стълавъши емоу зелѣнуу травоу на своихъ
съребреныхъ березѣхъ одѣвавъши его теплыми
мъглами подъ сѣнию зеленоу древоу стрежаше его
гоголемъ на водѣ уанцами на строухъ урнадьми
на ветрѣхъ не тако ли рече рѣка стоугна хоудоу
строю имѣя пожирьши южи роуыи и строугы
рострена къ оустоу оупошию къназю ростиславоу
затвори дѣнѣ при темпѣ березѣ дѣнѣ при
темпѣ березѣ плауеться маги ростислава
по оупоши кънази ростиславѣ оупыша цвѣти
жалобою и древо са тоугоу къ земли прѣклонило

А не сороки вътроскоташа на схѣдоу игоревѣ щздить
гзакъ съ коныакомъ тогда враны не грахаутъ
галици помълкоша сорокы не троскоташа положи
пълзоша только датълове текътомъ поуть къ
рѣцѣ кажуть соловии веселыми пѣсми свѣты
повѣдають мълавить гзакъ коныакови аже соколь
къ гнѣздоу лѣтитъ соколица рострѣллєвѣ своими
злауенными стрѣлами рече коныакъ ко гзакѣ аже
соколь къ гнѣздоу лѣтитъ а вѣ сокольца опоутаевѣ
красьною дѣвицею и рекъ гзакъ къ коныакови
аже его опоутаевѣ красьною дѣвицею ни пама
будеть сокольца ни пама красьны дѣвице то
поуть патици бити въ полѣ половецькомъ
Рекъ боанъ и ходына сватъслава пѣстворьца
старого вѣремени ирославла и ольгова когана хоти

ТАЖЬКО ТИ ГОЛОВЪ КРОМЪ ПЛЕЧЮ ЗЪЛО ТИ ТѢЛОУ
КРОМЪ ГОЛОВЫ РОУСЬКОН ЗЕМЛН БЕЗ ИГОРЯ СЪЛНЦЕ
СВѢТИТЬСА НА НЕБЕСЪ ИГОРЬ КЪПАЗЬ ВЪ РОУСЬКОН
ЗЕМЛН ДѢВИЦН ПОНТЬ НА ДОУНАН ВЪЮТЬСА

ГОЛОСИ УРЕС МОРЕ ДО КЫЕВА ИГОРЬ ЪДЕТЬ
ПО БОРНУЕВОУ КЪ СВАТЪИ БОГОРОДИЦИ
ПИРОГОЩЕН СТРАНЫ РАДИ ГРАДИ ВЕСЕЛИ
ПѢВЪШЕ ПѢСНЬ СТАРЫМЪ КЪПАЗЕМЪ

А ПО ТОМЪ МОЛОДЫМЪ ПѢТИ

СЛАВОУ ИГО^РА СВАТЪСЛАВИ^УА

БОУИ ТОУ^РА ВЪСЕВОЛО^ДА

ВЛАДИМ^РА ИГОРЕВИ^УА

ЗДРАВИ КЪПАЗИ И

ДРОУЖИНА ПОБАРАДА

ЗА ХРИСТЬЯНЫ

НА ПОГАНЫГЪ

ПЪЛКЫ

КЪПАЗЕМЪ

СЛАВА А

ДРОУЖИ

Нѣ

АМНИЬ

IX

Донець рече
къняже игорю
не мало ти величия
а конъчакоу нелюбия
а роуськои земли веселия

игорь рече о доньче
не мало ти величия
лелѣявъши кънязя на вълнахъ
стылавъши емоу зелѣну травоу
на своихъ съребреныхъ березѣхъ
одѣвавъши его теплыми мъглами
подъ сѣни зеленоу древоу
стрежаше его гоголемь на водѣ
чаицами на строухъ
чърнядьми на ветрѣхъ

не тако ли рече рѣка стоугна
хуудоу строую имѧ
пожърьши чюжи роучы и строугы
ростърена къ оустоу
оуношю кънязю ростиславоу затвори
дѣнѣ при темьнѣ березѣ

дѣнѣпри темьнѣ березѣ
плачеться мати ростиславиѧ
по оуноши кънязи ростиславѣ
оуныша цвѣти жалобою

ДЕВЯТАЯ ПЕСНЬ

Говорил Донец:
— Внемлй, Игорь-князь!
Не мало тебе величия,
а Кончаку нелюбия,
а Русской земле веселия!

А Игорь в ответ: — О Малый Донец!
И в тебе немало величия!
Ты лелеял меня на волне ввечеру,
постилал поутру зелену мураву
на серебряных берегах,
тёплым мороком впрок запеленывая
под сенью древа зелёного,
ты меня стерег гоголем на воде,
чайками на струях,
чёрнядьми на ветрах...

Не так ли тощая Стугна, худая струя,
чужие выпила ручьи,
раскинулась к устью
и подстерегла она
юного князя Ростислава,
на дне у тёмна-берега его затворив!

На Днепре у тёмна-берега
плачут мать Ростислава
в печали по Ростиславу.
Увяли цветы на тризне,

и древо ся тоугою
къ земли прѣклонило

А не сорокы вѣтроскоташа
на слѣду игоревѣ
ѣздить гзакъ съ коньчакомъ

тогда врани не граяхоуть
галици помълкоша
сорокы не троскоташа
полозие пѣльзоша

только дятлове текътомъ
поуть къ рѣцѣ кажуть
соловии веселыми пѣснѣми
свѣтъ повѣдають

мѣлить гъзакъ коньчакови
аже соколь къ гнѣзду летить
соколича рострѣляевѣ
своими злачеными стрѣлами

рече коньчакъ ко гъзѣ
аже соколь къ гнѣзду летить
а вѣ сокольца опоутаевѣ
красьною дѣвицею

и рекъ гъзакъ къ коньчакови
аще его опоутаевѣ красьною дѣвицею
ни нама боудеть сокольца
ни нама красьны дѣвице
то почноуть наю пѣтици
бити вѣ полѣ половецькомъ

ну а древо в тоске
приклонилось к земле.

не сороки то стрекочут —
вслед за Игорем скачут
Гзак и Кончак.

Вороны тогда не каркали,
галки примолкли,
сороки не трещали —
половы переползали.

Только дятлы перестуком
путь к реке указывают,
соловьи веселым пеньем
свет предсказывают.

Гзак промолвил Кончаку:
— Если сами сокола не поймаем,
золотёными стрелами
соколёнка расстреляем.

А Кончак промолвил Гзаку:
— Если сами сокола не пленим,
мы красою-девицей
соколёнка пленим.

И вот так ответил Гзак:
— Если пленим его красою-девицей,
расстанемся и с ним,
и с красою-девицей, —
эти птицы и нас заключают
в нашем Поле Половецком!

Рекъста боянъ и ходына
святъславля пѣснотворьца
старого веремени
ярославля и ольгова
коганя хоти

тяжко ти головѣ кромѣ плечю
зъло ти тѣлоу кромѣ головы

роуськои земли без игоря
сълныце свѣтиться на небесѣ
игорь кънязь въ роуськой земли

дѣвици поють на доунаи
въютъся голоси чрес море до кыева

игорь єдетъ по боричевоу
къ святѣи богородици пирогощи

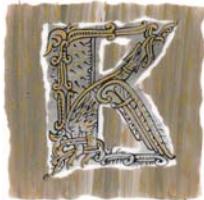
страны ради гради весели
пѣвъше пѣснь старымъ къняземъ
а по томъ молодымъ пѣти
славоу игоря святъславлича

боуи тоура вьсеволода
владимѣра игоревича

здрави кънязи и дроужина
побарая за христвуны
на поганыѣ пѣлкы

къняземъ слава
а дроужинѣ

аминь

озгласили Боян и Ходына,
песнотворцы двух Святославов,
ибо старое время
Ярослава и Олега
пели государевы любимцы:

— **ТЯЖКО** голове обеспеченной,
ЗЛО и телу обезглавленному —

РУсской земле без Игоря!
Солнце вновь на небеси,
И князь Игорь на Руси!

ДЕвицы поют на Дунае —
ВЕтер вьет голоса через море до Киева.

Игорь едет вниз по Боричеву Взвозу
КО Святой Пирогошей Богородице.

Страны рады, веселы грады!
Пели мы славу князьям быlyм,
А после — петь молодым
Славу Игоря **СВЯТОСЛАВИЧА**,

Буй Тура Всеволода,
Владимира Игоревича!

Будьте же здравы, князья и дружины,
все, кто встал за христиан,
пред полками чужими!

Князей славить станем,
а дружину помянем —

АМИНЬ

